

Андрей Львович Ливадный

Линия жизни

Аннотация

После катастрофы колониального транспорта «Прометей» на планете Пандора прошло немало лет. Потомки землян вынуждены выживать в ежедневных схватках с одичавшими сервами и беспощадными полукровками. На обломках гигантского космического корабля вырастают «заросли» темпоралов – энергетические артефакты древней цивилизации армахонтов. Прорваться сквозь них – нелегкая задача. Егору Бестужеву и его напарнику репликанту Грею она вполне по плечу.

Глава 1

Тиха и коварна пандорианская ночь. В небе ни облачка. Стальная радуга, семь колец обломков на орбите планеты, изгибается тусклой дугой от горизонта до горизонта. Чуть выше светит полная луна, всегда оставаясь в одной и той же точке, правее видна яркая серебристая капля – это космическая станция Н-болг, принадлежащая морфам. Она тоже не движется, словно законы небесной механики больше не действуют в обозримой Вселенной.

В русле высохшей реки между обрывистыми берегами течет пыльная мгла.

Звуки невнятные. Лишь изредка можно различить мягкие шаги или услышать хруст гравия, проминающегося под цельнолитыми колесами планетарных машин. Сиплый

шепот водородных движков сливается в монотонный шелест, не нарушающий естественных проявлений ночной жизни. Он тише, чем шорох веток кустарника, взъерошенных случайным порывом ветра.

Колонна растянулась пыльной змеей. Впереди уже показалась излучина русла, а за ней все явственнее проступает холодное зарево, мятущееся над мысом, выхватывающее из тьмы изломанную кайму колючего кустарника, а чуть выше — кроны редких деревьев да остовы загадочных, давно обветшавших конструкций.

Разговоров не слышно. Репликанты используют для связи модули технологической телепатии, остальным же настрого велено молчать.

— Егор, подожди. — Тихая фраза вплелась в мысли проводника, идущего во главе каравана. Он остановился.

Пыль, поднятая планетарными машинами, еще не доползла до изгиба излучины, и проводник, окинув взглядом залитое лунным светом пространство, отступил в глубокую тень обрывистого берега.

На вид ему было лет тридцать. Крепкий, жилистый и почему-то совершенно седой. Лицо обветрено. Дыхательная маска болтается на шее. Одет он в выцветшую полевую форму, какую раньше носили репликанты корпорации «Прометей». Поверх нее струится металлокевлар легкой, не стесняющей движения брони, тоже порядком изношенной, сохранившей отметины от множества схваток.

На руках – перчатки с обрезанными пальцами.

Он единственный человек в составе колонны, но об этом никто не догадывается. Репликанты ведь тоже

считают себя людьми. Память об их истинном происхождении утрачена.

Машины тем временем остановились. Люди и чужие действовали скоординированно, и только эшранг, хозяин груза, остался под защитой брони. Типа он тут главный.

Мимо промелькнула едва уловимая тень. «Морф», – безошибочно определил Бестужев. Способность этих существ к мимикрии общеизвестна. Разведчики они неплохие, но как бойцы – не очень. Оружия не признают. Действуют импульсивно, полагаясь на свою феноменальную живучесть, и оттого часто гибнут, особенно в схватках с одичавшими кибернетическими механизмами.

Ожидая, пока репликанты займут позиции, Егор Бестужев внимательно наблюдал за окрестностями. Он

выглядел спокойным и собранным. В проседи его висков едва заметно выделялись тонкие, пронзающие кожу металлизированные нити. Над правой бровью виднелся глубокий шрам – след от сгоревшего импланта. Остальные пока еще служат.

Тиха, коварна пандорианская ночь.

Цепь пологих лесистых холмов протянулась вдоль русла пересохшей реки. Вдалеке за сполохами зловещего сияния смутно просматриваются контуры монументальных строений – там расположена древняя верфь армахонтов, вернее, руины ее планетарного дока.

Пыль медленно оседала. Тишина вдруг навалилась вязкая, словно вымерло все, но Егор не верил обманчивым ощущениям, оставался настороже, знал: где-то поблизости всегда таится опасность.

Человеческий взгляд, имплантированный хондийский нерв и кибернетический расширитель сознания предлагали рассудку три разнящиеся в деталях картины окружающего, но Бестужев привычно объединял их, формируя целостное, непротиворечивое мироощущение.

Ближайший холм (в восприятии хондийского нерва) представлял собой сложное облако запахов, от него, истончаясь во тьму, истекали шлейфы особенно резких флюидов.

Имплантированный хондийский нерв безошибочно распознавал даже самые тонкие, едва уловимые ароматы, а тренированный рассудок Бестужева визуализировал эти ощущения. В сознании возникла четкая картина, построенная на основе запахов: слева от него на обращенном к руслу склоне, среди деревьев, у берега ручья темнел

вход в старую заброшенную шахту. Там устроили логово амреши – мелкие хищники, опасные только в стае.

В ночной тиши неожиданно взвизгнул плохо отлаженный сервомотор. Егор обернулся на звук. Резкий, сложный, специфический запах встревожил обоняние, хондийский нерв отреагировал ощущением холода, несвойственное человеку отвращение промелькнуло в мыслях, но инициативу тут же перехватил расширитель сознания, и на фоне тьмы проступили характерные силуэты, похожие на призрачных существ.

Энергоматрицы сервов. Стая из пяти машин обитала на правом берегу, за гребнем холма, – Егор читал их сигнатуры как открытую книгу. Эхо войны. Одичавшие и очень опасные экземпляры, функционирующие в автономном режиме.

Бестужев определил метку подразделения, к которому когда-то были приписаны эти боевые машины, его кибермодули сгенерировали код доступа, он вошел в локальную сеть стаи на уровне пассивного приема данных, ничем не выдав своего проникновения, и понял: заново переподчинить сервов не выйдет. Механизмы сбойные, их системы работают исключительно на самоподдержание. Главная задача — добыча ресурсов и охрана вверенной когда-то позиции.

Нет, даже пытаться не стану. Рискованно. Да и незачем.

Несколько секунд он пристально следил за кибернетическими механизмами. Системы вооружений сканировались уверенно. Тяжелый лазер и два импульсных двадцатимиллиметровых орудия. Набор

по современным меркам
внушительный, вызывающий тревогу.
Не схлестнуться бы с ними ненароком.

Вновь встрепенулся хондийский
нерв.

Над левым берегом в кронах
деревьев шевельнулись ветви. Легкий
ветерок налетел порывом, принес
новый запах. Скулы у Егора
моментально свело.

Полукровки. Трое. Жуткие
гибридные твари. В разгар войны
с чужими, когда речь шла о физическом
выживании людей, в лабораториях
старого колониального убежища были
созданы две модификации репликантов.
Первая – искусственные бойцы,
выращенные в камерах биологической
реконструкции. Они почти ничем не
отличались от людей и не знали о своем
происхождении. При помощи модулей
технологической телепатии им

инсталлировались полноценные личности, включающие воспоминания о детстве, юности, зрелости. Репликантов готовили как главную ударную силу для решающего наступления. Они должны были освободить Пандору от чужих и постепенно вместе с людьми заново заселить планету.

Второй тип репликантов был «сконструирован» при помощи генной инженерии. Бойцы немногочисленных спецгрупп являлись носителями хондийского нерва. В их задачу входил захват хондийских боевых кораблей и контроль над ними.

Теперь, по прошествии времени, Егор мог взглянуть на ситуацию со стороны, понять, насколько жутко и бесчеловечно приходилось действовать, но в те годы, ослепленный ненавистью, измученный постоянной

внутренней борьбой, он не замечал ничего вокруг. Лично тренировал репликантов. Иногда, в минуты слабости, позволял себе мечтать о настоящей жизни, что наступит после победы.

Сейчас судьба откровенно насмехалась над ним, скалилась в лицо, потирала сухие ручонки.

Вот она – послевоенная реальность.

Полукровки ловко карабкались по ветвям. Наполовину люди, наполовину хонди. Черты их лиц неподвижны, скованы хитином. Движения точны. А вот смысл существования неясен.

Раздражающий запах щекотал ноздри. Имплантированный Егору хондийский нерв чувствовал «своих» и пытался сгладить его инстинктивную неприязнь к полукровкам.

Вот так он и жил – на изломе трех разных, иногда взаимоисключающих

мироощущений, не допуская никого в свой искореженный внутренний мир.

«Где произошел сбой? – Он продолжал наблюдать, осадив распоясавшийся хондийский нерв, приглушив его активность. – Почему в организмах полукровок возобладали гены хонди? Насколько изменилась их психология? Осталось ли в них хоть что-то человеческое?»

От тяжелых мыслей Бестужева отвлекло появление Грея. Репликант, совсем еще мальчишка, уже командовал группой, отвечающей за сохранность груза.

После войны с чужими репликанты оказались брошены на произвол судьбы, предоставлены сами себе, но сумели выжить и даже создали очаги собственной цивилизации.

Грей опасности не заметил. Уровень киборгизации у него высок, но качество

имплантов скверное, да и установлены они кустарным способом. Программное обеспечение кибермодулей частью сбойное, что резко сужало круг возможностей при их применении.

– Справа стоя одичавших штурмовых сервов, – сухо сообщил ему Егор.

– Они заметили колонну? – встревожился Грей, пытаясь обнаружить сервомеханизмы.

– Нет, – уверенно ответил Бестужев. – Датчики у них «битые», да и работают в режиме «пассивного приема», – пояснил он. – А вот слева, в кронах деревьев, прячутся трое полукровок. Они нас наверняка видят, но вряд ли решатся напасть.

Репликант настороженно взглянул по сторонам, но вновь не заметил ничего необычного и оттого занервничал, нахмурился.

«Проводник попался странный, –

думал Грей, сканируя заросли по обеим сторонам русла. — Эшранг его не нанимал. Повстречался случайно. Предложил провести через темпоралы — их скопление дальше по руслу обнаружили морфы».

Грей от помощи не отказался. Если у человека есть модуль технологической телепатии, значит, ему можно доверять. Таковы негласные правила. Но все равно непонятно, что он тут делает, почему отважился путешествовать в одиночку? Да и сочетание имплантов у него необычное. Известно ведь — все носители хондийского нерва давно выродились в полукровок, а у Егора ни одного пятнышка хитина сквозь кожу не проступает.

— Не вижу никого, — вздохнув, признался Грей. От мысли, что колонна прямиком двигалась в ловушку,

холодок проскользнул вдоль спины. — Ты не ошибся? — все еще хмурясь, переспросил он. — Мои датчики ничего не фиксируют.

Бестужев в ответ сформировал канал телеметрии. Модули технологической телепатии открыли прямое соединение между двумя рассудками.

Грей невнятно выругался, молниеносным движением привел в боевую готовность «Грозу» — стрелково-гранатометный комплекс.

— Неслабые у тебя сканеры! — воскликнул он.

Теперь репликант отчетливо видел сервов и полукровок, он принимал данные от имплантов Егора и транслировал их дальше по локальной сети бойцам своей группы.

— Не торопись, — строго осадил его Бестужев. — Оружие убери.

— Сервов за спиной оставлять

опасно! – Грей взглянул в сторону холодного зарева. – За излучиной, среди темпоралов, у нас свободы маневра уже не будет!

– Верно, – согласился Егор. – Но и сервы туда не полезут. Они контролируют определенную территорию и за ее границы не выйдут. Если, конечно, их не спровоцировать. – От слов проводника исходила спокойная уверенность, и Грей неохотно опустил оружие.

– И что? Оставим их в покое?!

– Разве сервы тебе мешают? – Бестужев не собирался поддерживать разговор на повышенных тонах. В отличие от репликанта он не видел в сложившейся ситуации ничего необычного, а уж тем более смертельного.

– В спину ударят! – упрямылся Грей. Его лицо побледнело, черты

заострились — ну прямо комок нервов. Или вставшая на боевой взвод пружина.

— Не ударят. Разойдемся миром, — вновь с непонятной уверенностью повторил Бестужев, с интересом наблюдая, как пять кибернетических созданий заготавливают боеприпасы. Двое ковырялись в обломках, при помощи технических манипуляторов выискивали подходящие элементы металлических конструкций; тот, что был вооружен лазером, устроился в небольшой ложбине и нарезал найденную арматуру на короткие цилиндрические болванки. Еще одна пара оставалась настороже, в боевом охранении.

Сервы проявляли изобретательность, которая, к сожалению, напрочь отсутствовала у репликантов. Вот такой странный вывих саморазвития. Куцые

искусственные нейросети, накапливающие опыт, но не способные стать основой для полноценного сознания, позволяли боевым машинам, оставшимся без командования и снабжения, освоить некоторые нехитрые приемы «выживания». А искусственно созданные люди проигрывали эволюционную схватку. Их становилось все меньше, год от года.

– Они что, стрелять собираются этим ржавым хламом? – тихо осведомился Грей.

– Угу, – кивнул Бестужев. – Для импульсных орудий арматура по калибру в самый раз подходит. Дальность и точность, конечно, страдают, но на коротких дистанциях мало никому не покажется, уж поверь.

– Странно ты разговариваешь.

– Не обращай внимания. Почему

колонну остановил?

– У третьей БПМ в подвеске деталь лопнула. Минут десять на ремонт нужно.

Бестужев кивнул и неожиданно спросил:

– Боишься их? – он подразумевал одичавших сервов.

– Да уж приятного мало! – насупился Грей. – Говорят, раньше они на нашей стороне воевали?

– Слухи. – Егор уклонился от прямого ответа, хотя знал правду. – Тебя в каком возрасте имплантировали?

– Лет в пять, как и всех, а что?

– Программы кибермодулей, базы данных, инструкции воспринимаешь как догму?

– Да. А как же иначе?

– Мозги включи, – в голосе Бестужева прорвалась непонятная Грею

досада. — Почему орудия БПМ зачехлены?

— Да эшранг, сволочь жадная, — махнув рукой, выругался репликант. — Поскупился на запчасти. Какой толк орудия расчехлять? Все равно торчат, как пугачи, — последовал кивок в сторону головной планетарной машины.

Егор лишь скептически хмыкнул. Молниеносное сканирование подтвердило слова репликанта. Блоки управления сервомоторами точной наводки вообще отсутствовали.

— И ты решился на дальний переход? — уточнил он. — Без тяжелого вооружения, только вот с этим? — он взглядом указал на стрелковый комплекс.

— Выхода не было. Голод. Эшранг обещал десятую часть груза в качестве оплаты.

– А что с урожаем?

– Разве не слышал? – удивился Грей.

– Нет, – сухо ответил Егор. – Я в городах уже давно не бывал.

– Темпоралы, – сухо пояснил репликант, – появились за одну ночь, а через пару дней исчезли. У моих родителей ферма была. Постройки уцелели, но на полях ни одного колоска не осталось. Все погибло. Вместо земли – грязь и какой-то липкий пепел. Жить после этого стало совсем невмоготу. – Он не жаловался, говорил сжато, словно отчитывался.

«Такова природа репликантов, – с горечью подумал Егор. – Их создали для войны, но не научили жить». Наступление, о котором вспоминал Бестужев, захлебнулось – его остановила цепь внезапных катастроф, охватившая планету.

Многие репликанты выжили, однако

их судьбам не позавидуешь. В отчаянных схватках они отвоевали себе клочки пространства, кое-как обустроились, но так и остались заложниками искусственно сформированной психологии.

Сменилось уже несколько поколений, но сумерками их сознаний до сих пор правят кибернетические модули с предустановленными программами боевого поведения. Они не дают познавать мир, развиваться, заставляют детей рано взрослеть, формируют из них хороших бойцов, но не более. Все остальное, сугубо человеческое, не поддающееся оцифровке, получается у репликантов с надрывом.

Вот если бы они отказались от имплантаций, но Егор понимал – это невозможно. Для современных жителей Пандоры человек без имплантов и не

человек вообще.

– Грей, а разве без штатных блоков управления нельзя обойтись? – Бестужев все же не удержался, спросил.

– Нет. Не положено.

– Я знаю технический регламент. Но взгляни на сервов. Они ведь приспособились арматурой стрелять!

– Орудия загубят, – ответил Грей. – По сотне выстрелов на ствол, и можно выкидывать.

– Да, но случись нам вступить с ними в бой, кто выживет?

Репликант вновь насупился:

– Есть правило. Никаких «самоделок». Один раз от него отступлю, и все мои машины быстро превратятся в хлам!

– Грей, во многих случаях нужно проявлять смекалку, отступать от правил! – с досадой ответил Бестужев. – Надо учиться у любого, кто

встретится на пути! Взгляни вокруг. Этот мир не прощает прямолинейности. Ты предсказуем, а значит, уже мертв!

Репликант, похоже, обиделся, зло, искоса взглянул на Бестужева, но все же переспросил:

– И как, по-твоему, я должен был действовать?!

– Демонтировать орудия, подвеску для них самодельную придумать, установить поверх брони, стрелков посадить, чтоб вручную целились! Ты ведь не только за груз, но и за людей отвечаешь! Нет снарядов? Болтами заряжай! Эшранг скуп? Да за глотку его разок возьми! На место поставь! Ты ведь за него жизнь готов положить, а он? Что он сделал для защиты каравана? – В устах Егора сейчас встрепенулась, заговорила давняя, лютая ненависть. – Морфов себе в личную охрану нанял?!

Грей молча выслушал, отвернулся.

– Непонятно ты рассуждаешь. Меня с детства учили: один раз инструкции нарушишь – и все. Хаос наступит. Не будет больше правил!

– Но мир же постоянно меняется! Надо приспособливаться! – резко ответил Егор. – Лично для меня базы данных, инструкции, программы – помощь, подспорье, но не указ! Понимаешь, о чем я?

Нет, похоже, Грей ничего не понял, его волновали лишь задачи текущего момента.

– С сервами что? – снова спросил он, меняя тему разговора.

– Пройдем тихо, без боя, – в ответе Егора прозвучало разочарование. – Скоро рассвет, – добавил он. – Ветер поднимется – пыль по руслу погонит. Под ее прикрытием начнем движение.

– Да ты с ума сошел?! Днем через

темпоралы идти?! Аур же не видно!
Погибнем!

– Грей, я не собираюсь с тобой спорить! Сказал – проведу, значит – проведу! Днем или ночью, мне без разницы. А с сервами свяжемся – только время потеряем, да и без жертв не обойдется. Тебе оно надо?

Репликант снова просмотрел файл сканирования, вздохнул:

– Ты прав. Вооружение у них мощное. Но чтобы днем через темпоралы?! – Он вскинул на Егора недоверчивый взгляд.

Бестужев уже не хотел продолжения разговора. Не собирался он ничего доказывать, по крайней мере на словах.

– Ты лучше морфов придержи, – мрачно посоветовал он, – чтоб переполох не подняли. Чего они по округе шастают? Приключений нам ищут?

– Я им вообще-то не указ.

– Значит, иди к эшрангу и потребуй: пусть охрану при себе держит! Не послушает – я сам ему растолкую. Только потом на меня не обижайся.

– Ладно. Поговорю с ним. – Грея откровенно озадачил состоявшийся разговор. Странный мужик этот Бестужев. Заводится с полуслова, словно у него какие-то личные счета с эшрангами.

* * *

Пыль постепенно осела.

Тихо, поначалу вразнобой, робко и неуверенно защебетали птицы. Верный признак приближающегося рассвета. «Примерно минут через тридцать полыхнет, – думал Бестужев, шагая в направлении излучины. – Местность надо осмотреть,

сориентироваться, пока ауры темпоралов видны невооруженным взглядом. А заодно и нервы успокоить».

В обрыве над руслом пересохшей реки он заметил выступающий фрагмент выпуклого борта с парой оплавленных надстроек. Дальше и глубже датчики фиксировали «слоеный пирог» из деформированного металла. Обломки космических кораблей, когда-то принадлежавших разным цивилизациям, громоздились один над другим, образуя основу холма.

Рельеф равнины, сформированный давними событиями, таил под тонким слоем почвы бескрайнюю свалку, состоящую из множества фрагментов космических кораблей.

Здесь царили свои законы, текла своя жизнь.

Укрытые почвенным слоем корпуса космических левиафанов давали приют различным существам. Кроме сервов и полукровок в мрачных лабиринтах обитали цихриты – биологические роботы, по слухам, созданные самими армахонтами. Нередко на холмистых равнинах можно было встретить одичавших морфов. К счастью, эти опаснейшие твари неохотно покидали подземные лабиринты, напоминающие им прежнюю среду обитания.

Особое место среди ветшающих обломков давней битвы занимали хондийские бионические конструкции. Выращенные при помощи генной инженерии, они обладали рядом уникальных особенностей. Техника хонди не разрушалась со временем. Их машины залечивали раны, регенерировали – для этого они укоренялись, подобно растениям,

получая необходимые питательные вещества из окружающей среды, энергию же вырабатывали при помощи аварийных биореакторов.

Разные цивилизации развивали свои уникальные технологии, но как когда-то выражался Паша Стременков: «У всех машин, неважно, живые они или собранные на конвейере, со временем возникают схожие по смыслу проблемы, неизбежно ведущие к сбою».

Он был прав. У сервов, созданных людьми, постепенно накапливались ошибки в системе, что приводило к неадекватной работе программ. У хондийских бионических машин за периоды длительного забвения деградировала управляющая нейросеть.

Внезапно и мощно нахлынули воспоминания. Они всегда приходили вот так, спонтанно, необузданно,

словно порыв шквалистого, обжигающего ветра.

Бестужев помнил эти места. Бывал тут еще мальчишкой – в ту пору поверхность Пандоры покрывал километровый панцирь льда, и планетарный док космической верфи был впаян в его толщу, недоступен для исследования.

Их было трое. Подростков, изменивших судьбу планеты. Он, Пашка Стременков да Родька Бутов.

«Мы просто пытались выжить...» – мысленно твердил Егор, успокаивая бешеное биение сердца, отгоняя призраки прошлого.

Он шел по дну высохшего русла реки, а ощущал кашу изо льда и воды, видел, как по черной глади талых озер медленно плывут огромные айсберги.

Бестужев зажмурился, оттолкнул воспоминания. Первая группа

темпоралов виднелась сразу за излучиной. Энергетическая колоннада полыхала в ночи, столбы зловещего, неживого света вырывались из-под земли и уходили в небеса.

В последний раз он проходил тут пару месяцев назад, и с тех пор количество темпоралов увеличилось в разы. За ближайшей рощей просматривались новые и новые очаги сияния.

Ему пришлось вскарабкаться по склону, чтобы тщательно осмотреть окрестности.

Плохо дело. Он представил судьбу каравана, не пересекись случайно их пути. Чувство вины, давно отболевшее, снова нахлынуло, причиняя боль. Зря злился на репликанта. Он не умеет мыслить иначе. И погибнет в следующем же дальнем переходе. Реальность меняется с ужасающей

скоростью, а современные обитатели Пандоры остаются косными, они не готовы к новым и новым бедам.

Ему хотелось помочь. Попытаться исправить хотя бы малость.

– Грей? – Бестужев принял решение, воспользовался модулем технологической телепатии.

– На связи, – тут же откликнулся тот.

– Ко мне, бегом! Своим людям прикажи, чтоб без команды – ни шагу.

– Новые темпоралы? – забеспокоился репликант. – Много?

– Подтягивайся ко мне, сам увидишь.

* * *

Время.

Знакомое каждому слово.
Неосязаемая сторона бытия,
представленная цепью событий, дат.
Субъективно время течет для нас из

прошлого в будущее. Оно воспринимается как нечто незыблемое, неподвластное — его невозможно изменить или обратить вспять.

Так считали многие, в том числе и коренные пандорианцы...

Рядом появилась тень.

Грей вытянул шею, невнятно выругался.

— Месяц назад этим руслом ходили, — он окинул похолодевшим взглядом открывшуюся панораму окрестностей. — Веришь, всего пару темпоралов видели, да и то вдалеке.

— Верю. — Егор изменил конфигурацию имплантов. — Я покажу, как пройти.

— Эшранг опять орать будет, — произнес Грей, глядя на жутковатую колоннаду холодного света. — Типа, вы, хомо, во всем виноваты! Загубили планету.

– А сам-то как считаешь? Веришь ему?

Репликант пожал плечами.

– Не знаю, чему верить, – вздохнув, признался он. – Слухи одни. Говорят, что устройства стазиса изобрели армахонты. Слышал о них?

– Угу, – сдержанно кивнул Егор.

– А зачем они время останавливали?

– Такая у них была система защиты при авариях, – не вдаваясь в подробности, пояснил Бестужев. – В космосе она работала безотказно.

Грей пытливо всматривался в колоннады холодного света.

Егор вновь открыл прямой канал обмена данными, предупредил:

– Сейчас я переустановлю некоторые программные модули твоего расширителя сознания.

– Просто так? – удивился репликант.

– Да. Ты, вероятно, потеряешь

сознание. Думаю, на пару минут, не больше. Согласен?

– Еще бы!

– Ляг на землю, расслабься.

Грей безропотно подчинился. О таком программном обеспечении, как у Бестужева, можно лишь мечтать! В городе, у ремесленников, продавался всякий отстой.

В следующий миг мир перед глазами потускнел, налился тяжелой удушливой чернотой, схлопнулся в точку и угас.

* * *

Сознание вернулось к репликанту минут через десять, процесс обновления программ в кибермодулях прошел намного сложнее, чем предполагал Егор.

Грей привстал, опираясь на локоть, осмотрелся и невольно издал

испуганный возглас.

Мир преобразился.

Он стал не просто резче, контрастнее – в поле зрения появились множество новых энергоматриц, теперь он отчетливо видел не только группу сервов, троих полукровок и стайку амрешей, суетящихся подле входа в старую шахту, но и запутанный лабиринт заброшенных тоннелей, и пару живых бионических конструкций, ранее принадлежавших цивилизации разумных насекомых, а теперь ставших пристанищем для полукровок!

– Вот это да!.. – изумленно выдохнул он.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально! Зрение немного «плывет». Я столько сигнатур одновременно еще ни разу не фиксировал! Егор... спасибо тебе!

– Пока не за что. На темпоралы взгляни. Я кое-что объясню, а ты запоминай, в жизни пригодится.

Грей сконцентрировал мысленный взор на колоннах холодного света и в первый миг не поверил показаниям имплантированных датчиков.

Ближайшее скопление темпоралов, проросшее на ниве искореженных космических кораблей, приняло вид рощи, энергетические всплески древовидной структуры ветвились, тянулись ввысь, но в отличие от обычного леса они не сплетались ветвями, не соприкасались – каждое «растение» существовало строго в границах ауры – светового эффекта, издали похожего на колонну.

Бестужев был прав! Между темпоралами можно пройти!

– Егор, а где ты взял свои программные модули? – вопрос

вырвался у Грея помимо воли. Сейчас он просто не контролировал эмоции. — Ремесленники ничего подобного уж точно не изготавливают!

Вот почему Бестужев сторонился населенных мест. Редко и только в силу крайней необходимости контактировал с современными жителями Пандоры. Он не мог открыть правды. Во-первых, это ничего не изменит. Не уничтожит разрывы пространства и искажения времени, постепенно уничтожающие планету. Во-вторых, что сказать Грею? Ты не человек? Потомок биороботов, которых мы создали в целях войны? А я один из тех, кто принимал эти трудные решения, стоял у истоков? Видел и пережил появление первых темпоралов, но угодил в сдвиг времени и вот теперь я тут — ищу спасение, не для себя лично, но для всех?

К чему приведет такая правда?

Существовал и другой вариант. Егор мог бы остаться. Осесть в одном из городов, помочь какой-то отдельно взятой группе репликантов, по сути – догореть вместе с ними.

– Откуда мои программы – неважно, – сухо ответил он. – Ремесленники не знают всех тайн прошлого. Я побывал в местах, где еще сохранились древние знания.

– Ты встречал людей из Убежища?!

Егор кивнул.

– Какие они?

– Обыкновенные. Не боги и не демоны. Можешь поверить. От нас ничем не отличаются. Разве что знаний у них побольше.

– Почему же они не вмешаются?

– Разрывы пространства, что бы там ни шипел эшранг, созданы не людьми.

– Да ладно! – Грей, конечно же, не поверил. – Была война. Наши предки

использовали устройства стазиса как оружие. Они деформировали пространство и время! Темпоралы появились по их вине!

– Грей, тебе по большому счету не все равно? Ты пытаешься выжить или ищешь истину?

– А ты?

Бестужев сумрачно промолчал, так и не ответив на вопрос.

* * *

Темпоралы вызывали у Грея откровенную оторопь. Он и раньше слышал, что внутри столбов холодного света скрываются структуры, похожие на энергетическую растительность, но не очень-то верил. Вообще разнообразных слухов ходило множество. Хонди – насекомоподобные существа, обладающие чем-то вроде

генетической памяти, – с уверенностью утверждали, что раньше Пандора принадлежала армахонтам – могущественной космической цивилизации, построившей межзвездную сеть и мудро правившей тысячами миров на протяжении тысяч лет.

Грей не верил хонди. Он считал, что существа, способные путешествовать через гиперкосмос, умеющие манипулировать пространством и временем, не могли быть побеждены несколькими «младшими расами». Намного правдоподобнее звучали злобные утверждения эшрангов о том, что люди, вторгшиеся на Пандору, отыскивали некие древние устройства и бездумно использовали их в качестве оружия, не заботясь о последствиях.

Где правда, а где вымысел, понять сложно, да Грей особо и не ломал себе

голову. Он был занят проблемами выживания – их хватало с избытком.

Вниз вела тропа. Они с Егором спустились по склону, вновь оказались на дне высохшей реки, но уже за излучиной русла.

– Я отключил телеметрию. Что видишь?

Грей внимательно осмотрелся. Новое программное обеспечение работало без сбоев.

– Вижу структуры, похожие на деревья. Вокруг каждого темпорала – полупрозрачное сияние, – лаконично доложил он.

– Оттенки ауры различаешь? – спросил Егор.

– Да. От бледно-сиреневого до алого. Цвета разной интенсивности. Что это значит?

– Присмотрись – поймешь.

Грей с детства привык

к двойственному восприятию, но сейчас ступался.

Он всматривался в полыхающие ауры темпоралов, не понимая, что хочет от него Бестужев? Что я должен разглядеть в неровном, мерцающем сиянии?!

– Слепну... – признался Грей.

– Поиграй с настройками восприятия. Если хочешь выжить – учись быстро! – Он указал рукой в направлении красноватой ауры. – Обрати внимание, там, в границах сияния, время ускоряется. Взгляни на землю, подле основания темпорала.

– Да, вижу! – воскликнул Грей. – Это кости и хитин?!

– Верно. Останки эшранга и двоих хонди. Они попали в границу искажения и погибли.

– Отчего?

– От голода и жажды.

– А если б у них были припасы?

«Он любопытен. Может, со временем из Грея и получится опытный проводник», – подумал Егор. Теперь он уже не жалел о принятом решении.

– Они бы умерли от старости. Примерно за пару минут нашего времени. Однажды мне довелось наблюдать подобное, картина, прямо скажу, не для слабонервных. Но взгляни сюда, – он снова рукой указал направление.

– Ух! – восхищенно выдохнул Грей.

Аура темпорала сочилась багрянцем. В ее глубинах медленно вспухали энергетические пузыри. За внешней границей сияния рос кустарник, в его ветвях, нисколько не тревожась близостью временного сдвига, заливались пичуги. Пахло лесом.

Контрасты просто сводили с ума!

Вот один из пузырей внезапно

лопнул, и на землю посыпалась различная труха, кусочки высохшей коры, мелкие сломанные веточки, а вместе с ними упало несколько семян. Через миг появились ростки, секунду спустя два молодых побега уже вытянулись вверх почти на метр!

Грей затаил дыхание. Такого не увидишь в природе! С каждым мгновением деревца становились все выше, прошла минута, а они уже приняли вид старых вековых деревьев. Структура темпорала терялась среди густых крон, некоторые ветви разрослись так бурно, что вышли за границы сияния и тут же начали увядать, но, прежде чем погибнуть, они уронили плоды!

– Редкое явление, – произнес Егор, с сожалением наблюдая, как состарились, высохли и рассыпались в прах деревья внутри ауры.

– Так семена растений попадают в наш мир? – догадался Грей. – Но откуда они берутся?

– Точно не знаю, – ответил Бестужев. – Думаю, с других планет, где тоже существуют темпоралы.

– С других планет? – как эхо повторил Грей. – Хочешь сказать, не только наш мир погибает?

– Утверждать не стану. Мы наблюдаем лишь часть процесса, доступную, если так можно выразиться, «с нашей стороны». Но я видел, как формируются энергетические пузыри. Они захватывают все, что скопилось у подножия темпорала, и затем как будто растворяются в воздухе вместе с содержимым. Думаю, наш мир подобен перекрестку. Пересечению многих путей в пространстве и времени. Только мы не знаем, как путешествовать по этим дорогам.

Грей притих, призадумался. Бестужев теперь казался ему не просто странным. Откуда он столько знает о темпоралах? По виду не скажешь, что исследователь или ученый. Он больше похож на крепко избитого жизнью воина, странника, так почему же его голос дрогнул, а взгляд — холодный и колючий — на миг оттаял, когда внутри ауры появилась нежная клейкая зелень молодых стремительно развивающихся побегов?

Он хотел что-то спросить у Егора, но Бестужев вновь переключил внимание репликанта:

— Теперь взгляни сюда.

Грей повернул голову. Он уже немного освоился с новым программным обеспечением имплантов. К тому же доходчивые объяснения и наглядные примеры быстро подсказали, что именно нужно

искать, на какие детали обращать особое внимание.

Указанный Бестужевым темпорал излучал пронзительную лазурь. Внутри сияния он заметил серва, звенга и полукровку – все трое выглядели будто творения скульптора, запечатлевшего миг движения.

– Там время замедлилось?

Егор кивнул.

– Тогда что значат вот эти тускло-желтые ауры? – спросил Грей, переводя взгляд на тесную группу энергетических деревьев. К своему удивлению, он не обнаружил в границах аномальных зон каких бы то ни было материальных подсказок.

– Молодец. Быстро схватываешь, – похвалил его Егор. – По личному опыту, – он не стал ничего конкретизировать, – могу сказать: темпоралы никогда не появляются на

пустом месте. Они зарождаются в точке, где происходит очередной сдвиг времени и разрыв пространства. — Бестужев старался объяснить как можно проще, доходчивее. — Темпоралы своим появлением как бы запечатывают аномалию, понимаешь? Не дают ей расширяться, постепенно стабилизируя опасный участок.

— Поэтому говорят, что появление первых темпоралов спасло нашу планету?!

— Верно.

— Егор, а откуда ты все это знаешь?

Бестужев лишь пожал плечами:

— Много путешествовал, наблюдал.

— То есть желтоватые ауры принадлежат уже стабилизированным участкам? — Грей был потрясен. Мысли постоянно перескакивали с одного на другое, внимание рассеивалось. Новые знания о мире, новые возможности

восприятия просто ошеломляли!

– Правильно. Вскоре такие темпоралы просто погаснут, исчезнут.

– И на их месте уже не останется аномалий?

– Да.

– Но откуда берутся разрывы пространства? – спросил репликант.

Любознательность Грея импонировала Егору. На долю Бестужева выпало столько испытаний, что с лихвой хватило бы на несколько жизней. Если оглянуться назад (а он не любил этого делать), то увидишь узкую коварную тропу, вьющуюся по самому краю пропасти. Не было легких путей и однозначных решений. Не было и жизни – только борьба. Часто он вел ее за пределом человеческих сил. Но у него в далеком, потерянном прошлом были друзья. Настоящие друзья. А есть ли они у Грея? Наверное, нет.

Репликанты хоть и сумели выжить, но их взаимоотношения строятся на основе рационального сотрудничества. Исключения из правил настолько редки, что Грей определенно заслуживал честных ответов. Быть может, знания, полученные от случайного попутчика, в чем-то изменят его жизнь, мировоззрение, сделают еще более любознательным, а значит, и более человечным?

Здесь крылась дилемма. У любого знания есть и обратная сторона. Правды, которой владел Егор, репликант не выдержит, однозначно. Сейчас его мир достаточно прост, понятен. Но стоит дать чуть больше информации, и она превратится в лавину. Сомнет рассудок. Посеет в душе сомнения, фобии.

Нет. О рождении темпоралов и роли людей ему знать совершенно не

обязательно. Тем более что современные процессы отличаются от тех, изначальных. В понимании Егора существовали две равновероятные гипотезы. Первая перекликалась со злобными утверждениями эшранга, дескать, люди виноваты во всем. Да, мы использовали технологию стазиса как оружие, но первые разрывы пространства и сдвиги времени возникли отнюдь не в зонах боевых действий. Возможно, мы подтолкнули процесс, ускорили его, но не инициировали – это точно.

Грей, сам того не подозревая, задал самый болезненный и актуальный вопрос. Что привело к современному положению вещей? Стихийные силы Вселенной изуродовали лик планеты или же неразумное, безответственное использование технологии, которую мы не понимали, но пользовались ею?

– Я в точности не знаю, как возникают разрывы пространства, – после недолгой внутренней борьбы ответил Бестужев. – В последнее время темпоралы появляются и исчезают буквально на глазах. Тебе нужно запомнить лишь одну важную особенность – их ауры, за редкими исключениями, никогда не пересекаются. То есть всегда можно проложить тропу, даже если перед тобой настоящий энергетический лес.

– Лес?! – неподдельно удивился Грей.

– Да, я видел и такое.

– Где же ты путешествовал?

Бестужев пропустил коварный вопрос мимо ушей.

– И еще одна деталь. Остерегайся применять вблизи темпоралов мощное энергетическое оружие. Действуй осторожно, с умом, тогда останешься

жив, пройдешь там, куда другие и взглянуть опасаются. – Егор говорил, не давая Грею задавать встречные вопросы. – Запомни, ауры темпоралов можно использовать в своих целях. Например, укрыться от выстрела или, наоборот, нанести неожиданный удар. Большинство твоих противников не способны воспринимать энергоматрицы. Для них все темпоралы кажутся одинаковыми. И последнее. По границе желтоватых аур можно пройти. Будет трудно дышать, возможно, вырубятся импланты, неприятно, но не смертельно. А теперь давай попробуй сам проложить маршрут.

– Как? Только по показаниям датчиков?

– Да. Роща небольшая. Сканируются все темпоралы. Задача несложная, справишься.

* * *

Рассвет хлынул со всех сторон.

Солнце не всходило — оно появлялось в зените, за считанные секунды. Ночь и день сменяли друг друга почти мгновенно.

Ауры темпоралов поблекли, растворились в дневном свете, превратившись в ловушки для неосторожных путников.

— Вот, готово. — Грей транслировал Егору обновленную электронную карту местности с нанесенным на ней маршрутом.

— Что ж, — Бестужев одобрительно кивнул, — неплохо. Теперь возвращаемся к колонне. Чувствуешь, ветер поднимается? Пойдем, как я и говорил, под прикрытием пыли.

— А почему ты велел не трогать

сервов?

– Опасно. Уже не в первый раз замечаю: темпоралы реагируют на мощные всплески энергии. Своими глазами видел, как они появляются в местах боев между сервами.

– А как же водородные двигатели БПМ? – тут же забеспокоился Грей.

– Они маломощны, – успокоил его Бестужев. – Реакторы космических кораблей, особенно те, что до сих пор питают установки стазиса, генераторы плазмы, лазерные излучатели мегаватт на двести – вот примерный список устройств, способных спровоцировать появление нового разрыва метрики и как следствие – темпорала.

Переговариваясь на частотах технологической телепатии, они миновали излучину и уже подходили к головной машине колонны.

– Егор, вот ты сказал, что встречался

с людьми из легендарного убежища.

– Ну?

– А почему они скрываются?

– Все сложнее, – Бестужеву пришлось не по душе возобновление темы, но делать нечего, сам нарвался, нечего было и упоминать. – Они не скрываются. Просто живут в ином временном потоке. Говорят, – он сознательно употребил это слово, словно лишь слышал версии, но ничего не знал наверняка. – Говорят, в момент массового появления темпоралов, когда произошел первый сдвиг времени, наша реальность как бы расслоилась. В разных регионах время течет по-разному. Слышал ведь о таком явлении?

Грей кивнул.

– А правда, что они использовали какую-то древнюю технологию? Ну, чтобы победить в войне с чужими?

Разговор принимал опасное направление, но Егору не пришлось отвечать на неудобный для него вопрос. Хондийский нерв внезапно встрепенулся, мощно и радостно, однако чувство мгновенно трансформировалось в ощущение тревоги, непоправимой беды, которая уже близко.

Две темные точки показались у горизонта. Они стремительно приближались, росли в размерах, принимая очертания фаттахов — хондийских аэрокосмических истребителей.

Спину окатило ледяной испариной. Бестужев не терял ни секунды. Дальнейшее развитие событий, в его понимании, читалось легко.

— Грей, разворачивай машины! Отходи! Назад по руслу как минимум на километр! Огня никому не

открывать! В темпе!

Поздно! Слишком поздно!

Кто же мог предвидеть внезапное появление двух бионических машин?!

Фаттахи шли парой, низко, почти над самой землей, едва не цепляя макушки деревьев. Их пилоты ориентировались по руслу реки, следуя ему, как путеводной нити, используя первый час светлого времени для разведки местности.

«Где-то поблизости вышел из стазиса крупный космический корабль, — догадался Бестужев, провожая взглядом бионические машины. — Скорее всего, потрепанный в бою хондийский крейсер. Для его экипажа несколько веков пролетели как миг. Хонди сейчас напуганы, дезориентированы, сбиты с толку. Они очнулись, погребенные заживо. Наверное, им удалось расчистить один из шлюзов, выбраться

на поверхность, выпустили истребители. Теперь пытаются понять, что же случилось с планетой?!»

– Егор, эшранг отказывается поворачивать назад! Он требует продолжить движение! – пришло сообщение от репликанта.

– Грей, если надо – пристрели его! – ничего не объясняя, огрызнулся Бестужев. – Уводи колонну!

– А ты?

– Я следом! Действуй!

Нет. Уже никому не спастись... Бестужев единственный представлял последствия появления фаттахов. Если они ввяжутся в бой с сервами, то появления новых темпоралов уже не избежать!

Пара истребителей шла на антигравитационной тяге, двигаясь на предельно низкой высоте и скорости. Пилоты, совершенно незнакомые

с особенностями современного выживания, совершали плавные маневры, сканировали местность, собирали данные.

Вот и излучина.

Егор обернулся. Колонна из семи машин начала разворачиваться, но слишком поздно – одичавшие боевые сервы заметили появление хондийских истребителей. Созданные в целях войны, они не утратили программного смысла своего существования, не важно, сколько времени минуло с тех пор, как им были установлены цели и задачи.

Первая очередь, выпущенная из импульсного орудия, разминулась с фаттахом, ударила в склон холма, по другую сторону русла.

Дико заверещали амреши. Снаряды перерубили ствол дерева, в кроне которого прятались полукровки.

Фаттахы огрызнулись лазерными разрядами, озарились сполохами от работы реактивных двигателей, легко, стремительно набирая высоту, и тут же, совершив боевой разворот, ринулись в атаку, обрушив всю огневую мощь на позиции сервов.

* * *

Бой вспыхнул, как лесной пожар.

На правом берегу, подожженные шквалом лазерных разрядов, уже пылали деревья, огонь валом катился по склону, пожирая кустарник.

Среди языков пламени промелькнули силуэты боевых машин. Их броня рдела вишневыми рубцами попаданий, но уничтожить штурмовых сервов не так-то просто – нужно знать уязвимые места.

Пользуясь естественной тепловой

засветкой, маскирующей их от датчиков фаттахов, двое, оснащенные импульсными орудиями, резво выдвинулись на заранее оборудованный рубеж, в то время как их безоружные сородичи совершили прямо противоположный маневр: жертвуя собой, они выскочили на дальний, еще не охваченный пожаром склон и припустили вниз, к распадку, привлекая внимание.

Хондийские пилоты попались на нехитрый тактический ход. Они увидели цели и снова устремились в атаку, на этот раз не с пикирования, а на малой высоте — скорость перемещения сервов располагала именно к такому маневру.

По сути, одичавшие боевые машины навязали хондийским пилотам свои правила боя, выдержали первый удар, заманили в ловушку и теперь

готовились эффективно уничтожить противника фланговым огнем из импульсных орудий.

Бестужев не лез в схватку. Чем быстрее фаттахы будут обращены в груды чадящих обломков, тем меньше вероятность возникновения темпорала.

«Ткань нашего пространства стала совсем слабой», – мимолетно подумал он, наблюдая, как хондийские истребители выравнивают курс, совершая плавный заход на беззащитные цели.

С протяжным воем ударили импульсные орудия, ведущий истребитель мгновенно превратился в огненный шар, второй буквально через доли секунды просто разорвало очередью – обрезки металла, разогнанные до околосвуковой скорости, вспороли органическую броню, превратив ведомый фаттах

в черно-серое облако бесформенных частиц.

– Егор, что там происходит? – раздался по связи взволнованный, полный напряженного ожидания голос репликанта.

– Фаттахы сбиты. Думаю это конец, но все же выжди, я дам команду, когда можно будет двигаться.

– Понял.

Бестужев ни на секунду не упускал сервов из виду. Тот, что был вооружен лазером, получил наиболее серьезные повреждения – еще в начале боя он кубарем скатился по склону на дно высохшего русла и теперь лежал, как перевернутый на спину жук, конвульсивно подергивая тягами перерубленных приводов.

Пара, сыгравшая роль приманки, уже спешила ему на помощь, те, что сбили истребители, остались на позиции

в готовности отразить новую атаку.

Сотня выстрелов на ствол – не так уж и мало, учитывая, что сервы выпустили всего по пять зарядов.

Бестужев во время скитаний по безжизненным пустошам Пандоры повидал множество подобных схваток. Все чаще и чаще они приводили к возникновению темпоралов, но сегодня ситуация принимала особенно скверный оборот.

К покалеченному серву спешили его собратья. А по нетронутому огнем, заросшему кустарником склону ловко продвигались трое полукровок. Было совершенно неясно, чем они собираются поживиться?

Видимо, высохшее русло являлось нейтральной полосой, разграничивающей ареалы обитания различных существ. Бестужев вскинул автомат. Полукровок надо остановить.

Если они сойдутся в схватке с сервами, последствия будут плачевными. Над местом гибели хондийских истребителей он заметил змеящееся сполохами искажение реальности – верный признак едва не возникшего разрыва метрики пространства.

Как и почему применение высокоэнергетического оружия провоцирует появление аномалий, Бестужев не знал, но опыт подсказывал – лучше до этого не доводить!

Прицелиться Егор не успел. Двое сервов уже прорвались через охваченный огнем склон, а их потенциальные противники вдруг отступили, юркнули в неприметный лаз, ведущий в недра холма.

Одумались? Поняли, что силы неравны?

Дым расползлся удушливыми

клубами. Визгливо орали перепуганные амреши.

Недоброе предчувствие глодало душу. Бестужев доверял своей интуиции, но сейчас не мог взять в толк – что упустил?

Пытаясь разобраться в ситуации, он вновь подключился к локальной сети стаи сервов.

Проклятие! Еще один фаттах! Старый, давным-давно погребенный в недрах холма, на левом берегу! Вот куда отступили полукровки! Они сумели взять регенерировавшую бионическую машину под свой контроль, но не решались использовать, понимая явное превосходство сервов, однако сейчас баланс сил изменился, и полукровки не собирались упускать подвернувшийся шанс. Сервы представляли для них постоянную угрозу, и избавиться от скверного

соседства, умело используя ситуацию, было с их стороны вполне логичным, закономерным шагом.

К тревожным звукам внезапно добавился протяжный скрежет. Земля на левом берегу вздрогнула, начала вспучиваться, вниз покатались комья глины и какие-то ржавые обломки.

Обычно Егор уклонялся от бессмысленных схваток, но сейчас, оказавшись в эпицентре событий, был вынужден действовать. «Фаттах для меня недосыгаем, — промелькнула мысль, — да и выберется ли укоренившийся истребитель из своего логова — пока неясно, но сервы уже заметили его реактивацию и отреагировали на новую угрозу».

— Егор? Что у тебя? — не ко времени вышел на связь Грей.

— Не мешай! Тут еще один фаттах!

— Что будешь делать? —

забеспокоился репликант.

– Ломать локальную сеть сервов! Нельзя допустить, чтобы всколыхнулась вся округа! Придется сыграть на стороне полукровок! – Он отвечал, работая с имплантами.

– Мы идем к тебе! Поддержим огнем.

– Не лезь!

Внял ли Грей – непонятно, но Бестужеву уже было не до него. Он вошел в локальную сеть группы боевых машин и нарушил обмен данными.

Сервы почувствовали сбой, на миг замерли, пытаясь восстановить взаимодействие.

Сухо ударили одиночные выстрелы. Егор воспользовался несколькими секундами всеобщего замешательства, чтобы лишить боевые машины их главного преимущества – мощных систем вооружения. Он целился по сервомоторным узлам, четыремя

точными выстрелами ему удалось заклинить механизмы наведения импульсных орудий, пятым Бестужев навывлет прошил ядро системы серва, оснащенного лазером.

Внезапно на охваченном огнем склоне раздался приглушенный взрыв.

– Грей, я же сказал: не вмешивайся!

Еще два кустистых гранатных разрыва выросли на правом склоне, а вслед полыхнула ярчайшая вспышка – рванул энергоблок у одного из сервов!

– Прекратить огонь! – вне себя от ярости закричал Егор.

Его рискованный план рухнул. Предотвратить появление еще одного фаттаха не удалось, а над сухим руслом все ярче разгорались сполохи набирающих силу искажений!

Хондийский истребитель появился из растущего провала в почве. Его окружали тонны поднятых в воздух

обломков, среди искореженных конструкций в поле антигравитации, которое генерировали двигатели фаттаха, плавали пласты дерна, вырванный с корнем кустарник, комья глины.

Росчерки лазерных разрядов полоснули вдоль русла. Вершина холма теперь напоминала извергающийся вулкан. Вопли испуганных амрешей потонули в реве и грохоте.

Фаттах вел ураганный огонь, покачиваясь в поле антигравитации.

Репликанты, так не вовремя вступившие в бой, ответили шквалом автоматных очередей.

Не левом берегу загорелась трава, за ней вспыхнул кустарник. От фаттаха полетели клочья органической брони, он дернулся, в судороге обрывая белесые корни, при помощи которых питался, и регенерировал, покоясь

в недрах возвышенности.

В следующий миг реальность не выдержала. Столб призрачного света зародился где-то глубоко под землей, ударил в небеса, аура новорожденного темпорала вспухла волдырем, мир на мгновение превратился в стекло, но на этот раз судьба пощадила Егора.

Зловещее сияние охватило площадь в десяток квадратных метров и вдруг стабилизировалось, прекратило расширяться.

Один удар сердца.

Фрагмент реальности застыл навеки.

Сложная, многократно переплетенная структура энергетических нитей сформировала ствол темпорала, от него отделились ветви, устремились вверх.

Фаттах оказался в ловушке. Сдвиг времени законсервировал его.

Оборванная корневая система

бионической конструкции обвисла белесыми плетями, тлеющие головешки, поднятые в воздух, рдели среди завитков дыма, – там, где сияла аура новорожденного энергетического растения, время замедлилось, и для внешнего наблюдателя пройдут годы, прежде чем погаснет пламя, а угли подернутся пеплом.

Егор Бестужев в немом оцепенении следил, как еще один разрыв пространства поглотил фрагмент родного мира.

Вот так мы и уничтожили его. «Сами», – горькая мысль все же прорвалась из глубин рассудка.